

Дж. Де Флоридо

«И ТОЧНО МНОГО ЛЕТ ОН МНЕ ЗНАКОМ». МАКСИМ ГОРЬКИЙ И САМУИЛ МАРШАК НА ФОНЕ ЭПОХИ

В статье рассматривается история взаимоотношений М. Горького и С. Я. Маршака с первых дореволюционных встреч и до последнего разговора в Крыму весной 1936 г., за несколько месяцев до смерти Горького. Концепция детской литературы, поступательно озвученная Горьким-Маршаком на рубеже 1920–1930-х гг. и окончательно оформившаяся в речах на первом Съезде советских писателей 1934 г., прослеживается через детальное изучение высказываний обоих авторов. Устойчивая творческая связь между двумя литераторами показывает сходство их художественных и идейных принципов. Несмотря на мифологический образ «пророка», созданный Маршаком (и другими литераторами) после ухода Горького, в статье демонстрируется симбиоз теоретических идей двух организаторов советской детской литературы.

Ключевые слова: Максим Горький, Самуил Маршак, Первый съезд советских писателей, большая литература для маленьких, Детиздат, критика детской литературы.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Встреча юного Маршака с Горьким, который в последние годы XIX в. был воплощением новой эпохи и кумиром молодежи, в том числе и поколения Маршака, происходит в начале века: в августе 1904 г. Стасов устраивает у себя на даче в Старожиловке, рядом с Парголово, очередной частный концерт и, как обычно, готовит для гостей шуточное приветствие. Он просит, чтобы Сам, как он называл своего молодого друга, дополнил небольшим приветственным стихотворением рисунок, который сделал по случаю скульптор И. Я. Гинцбург (1859–1939). Среди гостей — Илья Репин, Федор Шаляпин, Александр Глазунов и Максим Горький. Вечер произвел глубокое впечатление как на Маршака, так и, по всей вероятности, на Горького¹. Как известно, после знакомства писатель предлагает Маршаку переехать в Ялту для лечения легочной

болезни, которой молодой человек страдал к этому моменту несколько лет. Горький его устраивает в ялтинскую гимназию и поселяет к себе на дачу. 11 января 1905 г. Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Маршак подолгу живет один, в это время он существенно расширяет собственный круг чтения и начинает работать с детьми: организует помощь детям из бедных еврейских семей. С Горьким Маршак общается мало и редко, хотя, возможно, это общение все же влияет на молодого человека². Во время пребывания в Ялте важной фигурой для Маршака становится Екатерина Павловна, жена Горького, с которой у него складываются более доверительные отношения и к которой он на всю жизнь сохраняет глубокое уважение и привязанность. Их общение прерывается, когда Маршак оказывается вынужден покинуть Крым из-за усилившихся гонений на евреев, а Горький уезжает на Капри, где проживет семь лет, с 1906 по 1913 гг.

Они возвращаются в Россию почти одновременно — Горький из Италии, а Маршак из Великобритании, однако встречи не происходит. В эти годы они общаются лишь от случая к случаю³ — с 1916 по 1918 гг. Горький погружен в организационную работу, а Маршак постоянно переезжает с места на место: сначала в Воронеж, затем в Петрозаводск и, наконец, после революции, в Екатеринодар. Он увлекается еврейской тематикой, переводит с иврита и интересуется сионизмом⁴.

В конце Гражданской войны, когда победа большевиков стала очевидна, Маршак возвращается в Петербург. Теперь это уже не прежний гимназист из Ялты — он учился в Англии и путешествовал по Ирландии, отверг — хоть публично — свое еврейство⁵, начал писать и переводить с английского для множества газет и журналов, стал известен читателям как сатирик и уже написал свою первую детскую книгу, «Театр для детей» (1922), сборник театральных пьес, написанных и поставленных в Екатеринодаре при содействии Е. Васильевой (известной под псевдонимом Черубина де Габриак).

Как свидетельствует Корней Чуковский, в те годы много общавшийся с Горьким⁶, Маршак и Горький не сразу приходят к взаимопониманию: «Когда Маршак вернулся с Кавказа в 1920 или 1921 г., Горький долго не хотел его принять. — Конечно, я хорошо его помню, но сейчас я занят, не могу, — отвечал он мне» [Чуковский 2013г, с. 494]. Маршак относит свои переводы из Блейка⁷ в редакцию «Всемирной литературы»⁸, задуманного Горьким колоссального

издательского проекта, но получает отказ: «Во время этого разговора я вспомнил, что, когда Маршак начинал свою карьеру и приехал в Пбг. из Краснодара, Горький был еще в Питере. Маршак предложил во “Всемирную” свои переводы из Блейка, и Горький забраковал их (из-за мистики)» [Чуковский 2013а, с. 371].

Еще одно подтверждение находим в гораздо более поздней записи из дневника Чуковского: «Не успел я сесть, как он [Маршак] стал говорить о себе со страшной силой самовосхищения, которое совершенно оправданно, так как он в самом деле феноменально одухотворен, творчество так и пышет из него. Рассказывал о Блэйке. Как Горький говорил ему и даже писал: “Не стоит ваш Блэйк, что бы Вы переводили его”» [Чуковский 2013в, с. 380].

16 октября 1921 г. Горький уезжает из России. До того, как общение с Маршаком возобновится и перейдет на новый уровень, остается почти десять лет.

ЗАЩИТА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Вы один наш заступник, вы всегда помогали нам» [Барахов 1994, с. 113] — вспоминает Чуковский в письме Горькому в 1921 г. Горький нередко выступает в роли защитника (писателей и даже таких издателей, как Сытин). С революционных лет он обращает все больше внимания к детям, завтрашним творцам жизни; не забывает о них в своей работе писателя и публициста⁹, прилагая много усилий к проектам детского образования и защиты детей¹⁰.

Параллельно, особенно во второй половине двадцатых годов, правительство все настойчивее вмешивается в процесс создания детской литературы. На выдающихся авторов, уже привлечших к себе внимание цензуры¹¹, обрушивается поток критики и клеветы, их открыто атакуют в прессе.

Один из ярчайших примеров — борьба с «чуковщиной», начавшаяся после публикации 1 февраля 1928 г. в газете «Правда» статьи Надежды Крупской «О “Крокодиле” Чуковского»¹², которая привела к жестокой травле Чуковского. Узнав о происходящем от дочери Чуковского, Лидии Корнеевны, Горький выступает еще раз в роли защитника и пишет из Сорренто «Письмо в редакцию», опубликованное 25 февраля 1928 г. в газете «Правда» [Горький 1968, с. 181]. Это письмо — первое в ряду выступлений Горького. Чуть позднее, в статье «Еще о грамотности» («Известия», 1928, № 93; «Читатель и писатель», 1928, № 16), он яростно критикует действия современной ему педагогики и критики. Затем

следует статья «О сказках», которая была опубликована в виде вступительной статьи к книге «Сказки 1001 ночи» (Академия 1929, т. 1), за ней «Человек, уши которого заткнуты ватой» («Правда», 1930, № 19) и «О безответственных людях и о детской книге наших дней» («Правда», 1930, № 68). В этих статьях уточняется концепция детской литературы, которую писатель развивал более десяти лет, пользуясь поддержкой народного комиссара просвещения А. В. Луначарского¹³.

Горький утверждает, что в Государственном Ученом Совете¹⁴ «сидят люди, суждения которых о литературе совершенно необоснованы и безответственны, а огонь, воду люди эти считают “абстрактными понятиями”» [Горький 1949а], указывая в то же время на тех, кто является истинными создателями советской детской литературы: «Та детская литература, которую создают люди, подобные С. Маршаку, отлично удовлетворяет важную потребность, и нельзя позволять безграмотным Кальмам¹⁵ травить талантливых Маршаков» [Горький 1930]¹⁶. Упоминание о Маршаке не случайно. В 1927 г. Маршак и Горький снова вступали в переписку. «По-настоящему наши отношения возобновились в 1927 г., когда наша ленинградская редакционная работница Старк привезла мне из Италии от него привет и упрек в том, что я забыл его, не посылаю ему своих книжек и т. д. Я сейчас же написал ему в Сорренто...» [Маршак 1972б, с. 421].

В письме Маршака от 9 марта 1927 г. содержится подробное описание его «пути к детской литературе», которое Горький, по всей вероятности, находит полностью созвучным собственным целям и принципам: борьба с шаблонами, как старыми, так и новыми; отказ от сюсюканья в разговоре с ребенком; обращение к народной культуре: к прибауткам, считалкам, песенкам, дразнилкам и т. д.; четкость и пословичность как важные составляющие любого текста для детей; роль иллюстраций и картинок в детской книге; стремление привлечь в детскую литературу профессионалов — путешественников и ученых, которые могли бы, уступив настойчивым просьбам Маршака¹⁷, вложить в детские книги свой жизненный опыт.

Маршак, впрочем, не ограничивается перечислением успехов и достигнутых результатов, он также намечает направления, в которых еще предстоит работа — в частности, он указывает на отсутствие повестей и романов, предназначенных для ребят постарше, созданных специально для них. В конце письма автор, словно предчувствуя бурю, которая вскоре обрушится на его единомышленников¹⁸

и на сотрудников Детиздата, признается, как мешает работе постоянный конфликт с педагогами, которые являются почти единственными рецензентами и критиками детской литературы.

Отметим, что до этого письма Маршак никогда не излагал на бумаге теоретические свои мысли о детской литературе. В 1920-е гг. он сочиняет самые знаменитые из своих детских произведений и занимается редакторской деятельностью¹⁹, но, только начиная с возобновления общения с Горьким, и особенно с 1930-х гг., он вкладывает свой опыт в теоретическое структурированное изложение — в форме заметок, статей и очерков.

30 августа 1928 г. Маршак и Горький встречаются после двадцатидвухлетнего перерыва, «но теперь он (Горький. — *Дж. Д. Ф.*) встретил Маршака как долгожданного друга и очень оживленно стал рассказывать, как он, Горький, ловко надул всех — и приехал в Пб. так, что его не узнали» [Чуковский 2013а, с. 371–372].

Восстановление сначала переписки и потом дружеских связей с Горьким обнадеживает Маршака, который обращается к нему за помощью²⁰. В начале 1930 г. он без колебаний пишет Горькому о давлении, оказываемом на ленинградский Детиздат и о недопустимом характере нападок на талантливых детских писателей со стороны критики и педагогов. В конце письма говорится, что необходима «серьезная операция» [Маршак 1972а, с. 116], которая при этом не убила бы больного, то есть не лишила бы детскую книгу «жизненных соков» [Там же]. «Патриарх» и «защитник» детской литературы [Балина 2014, с. 14] быстро понимает, что недостаточно отстаивать в печати и оберегать от нападок хорошие детские книги; необходимо провести всестороннюю программу развития и обновления детской литературы. Он доверяет эту непростую задачу Маршаку: начиная с 1930 г. Маршак, уже показавший себя незаменимым человеком в детском отделе ленинградской редакции Госиздата²¹, все чаще фигурирует в письмах и в проектах Горького, всегда с самыми лестными характеристиками, которые впоследствии во многом способствовали его официальному признанию²².

Кроме того, в 1931 г. Горький встретился с младшим братом Маршака, Ильей Яковлевичем (1895/1896–1953). Они быстро приходят к взаимопониманию: Горький с большим вниманием относится к научно-популярному направлению в детской литературе, в котором Ильин добился больших успехов. Рукопись его «Рассказа о великом

плане» Горький прочел, еще будучи в Италии, и был в восторге от нее. В статье, опубликованной 3 ноября 1935 г. в «Правде», он пишет: «Исключительный успех “Рассказа” объясняется редчайшей способностью Ильина говорить просто и ясно о явлениях сложных и вещах мудрых» [Горький 1953]. Выработанный Ильиным язык и жанр Горький искренне хвалит, так как они входят, вместе с другими элементами, в новую концепцию детской литературы, которую он формулирует на два голоса, вместе с Самуилом Маршаком.

НОВАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вскоре защита от нападений критиков и официальных органов превращается в полноценную программу, противопоставленную официальной концепции детской литературы, сформулированной Крупской и ее соратниками. В докладной записке «О детской литературе» (1932) Горький начинает контратаку на педантичную критику: «Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы. <...> От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты» [Горький 1968, с. 110]. Для Горького принципиально важно переработать установившийся канон художественных приемов и жанров детской литературы. Он надеется на создание полноценного критического журнала, на коренные преобразования в библиотечной системе и на привлечение новых талантливых писателей в детскую литературу. Горький призывает пересмотреть отношение к ряду детских книг, а также к их авторам и иллюстраторам (к Житкову, Чуковскому, Лебедеву и т. д.), защищает, при определенных условиях, антропоморфизм и фантазию.

Докладная записка произвела большой эффект и обратила на себя внимание специалистов. 17 июля 1932 г. Крупская лично отвечает на нее Горькому [Горький 1968, с. 365–366]. 21 августа того же года Чуковский пишет в дневнике: «Бумага Горького — Маршака (вчера мне дали ее прочитать) о детской литературе робка — и об ошибочной литературной политике говорит вскользь. О сказке вообще не говорит полным голосом, а только о “развитии фантазии”» [Чуковский 2013б, с. 490]. Можно предположить, что «бумага», о которой идет речь у Чуковского — это рассмотренная выше докладная записка. Оставляя в стороне некоторую резкость суждения, подчеркнем, что докладная записка была итогом совместной работы Горького и Маршака, первой в целом ряде статей и очерков, задуманных, созревших и написанных в результате разговоров, в которых можно проследить динамику их отношений.

В этот период все выступления Горького и Маршака в прессе, касающиеся вопросов детской литературы, кажутся чередованием тем и вариаций, в которых переплетаются общие мотивы, идеи и предложения: статья Горького «Литературу — детям» от 11 июня 1933 г. подхватывает название и содержание разбитой на две части статьи Маршака — «Литература — детям!», опубликованной в газете «Известия» 23 и 27 мая, которая, в свою очередь, вырастает из долгих разговоров с Горьким в Сорренто весной того же года: «В “Известиях” от 23 и 27 мая была напечатана статья “Литература — детям!”. Автор этой статьи С. Маршак, талантливый и опытный работник в области литературы для детей, совершенно правильно придал заголовку и теме своей статьи характер требования, характер боевого лозунга» [Горький 1968, с. 112].

Очерк Маршака «О наследстве и наследственности в детской литературе» (1933) является развитием той же статьи. Тут уже можно увидеть почти дословные совпадения: «Старой детской литературе было, по крайней мере, 150 лет, а нашей послереволюционной — всего 15–16 лет. Она в десять раз моложе» [Маршак 1971е, с. 283]; «Русской дореволюционной литературе было около 150 лет. Советская книга для детей ровно в десять раз моложе — ей всего 15 лет» [Горький 1968, с. 115].

Кроме того, эти размышления в обобщенном виде будут включены по просьбе Горького в новую версию докладной записки о детской литературе. Записка же, в свою очередь, войдет в окончательный доклад, который Горький сделает в ЦК. Подтверждение этому мы находим в письме Маршака своей жене 20 мая 1933 г.:

В последние дни перед отъездом Горького мне пришлось немного поработать. Он высказал мне разные свои соображения о детской литературе (очень ценные) и попросил изложить на бумаге то, о чем мы говорили. Я просидел за этим делом дня два, а потом после нового разговора с Горьким все заново переработал. Он взял эту записку с собой и хотел еще дополнить ее по дороге и в Москве. Не знаю, что он с ней будет делать. Зато после отъезда А<лексея> М<аксимовича> я погрузился в полное безделье и только теперь опять принимаюсь понемногу за книги. Но больше гуляю и лежу (20 мая 1933 г.) [Маршак 1972в, с. 131].

В докладе Горький предлагает срочную замену дореволюционных детских произведений: «В первую очередь нам нужны повести из жизни детей и взрослых, повести, которые заменили бы нашим читателям и “Маленького лорда Фаунтлероя” и “Дневник школьника” Де Амичиса» [Горький 1968, с. 111]. Они уже

подверглись в статье Маршака суровому осуждению: «Это был сплошной второй сорт, сплошное чтение, без литературных задач, без стиля, без *языка* (курсив мой. — Дж. Д. Ф.)» [Маршак 1971д, с. 285].

Дальше Горький упоминает «Республику Шкид» Белых и Пантелеева, «Часы» Пантелеева, повести и рассказы Житкова и Григорьева и другие произведения, которые «по своей малочисленности могут только отчасти удовлетворить нашу нужду в детской беллетристике» [Горький 1968, с. 112]. Это высказывание прямо относится к положительной оценке этих же произведений и писателей Маршаком:

Прочтите книги Бориса Житкова, <...> — и вы найдете в них не описание технических процессов, а напряженное действие. <...> Интересный замысел положен в основу повести Л. Пантелеева «Часы». <...> Среди детских книг о перевоспитании малолетних правонарушителей повесть Пантелеева редкое и счастливое исключение. <...> Детская литература настойчивее, чем всякая другая, требует от писателя подлинного материала, вынесенного из жизни. Недаром в нее вошли именно те писатели из общей литературы, у которых такой материал имеется в избытке (Новиков-Прибой, Неверов, Фадеев, А. Толстой, Н. Тихонов, Сергей Григорьев и др.) [Маршак 1971д, с. 305, 308, 310].

Наконец, Горький призывает правильно толковать роль детской литературы в жизни ребенка-читателя, — в частности, в развитии его воображения: «Она должна научить читателя воображать, предвидеть и создавать. Поэтому мы придаем огромное значение тем видам литературы, которые способствуют развитию воображения, — сказке, романтической повести, научной фантастике, книге о завтрашнем дне» [Горький 1968, с. 112]. «Дети должны учиться не только считать и измерять, но и воображать и предвидеть» [Горький 1968, с. 126]. Опять же его требование полностью соотносится с постулатами Маршака: «...нет никакого разрыва между нашей познавательной и художественной книгой. Та и другая обращены к воображению читателя. <...> Наша детская литература взяла на себя задачу заменить суррогаты повестями, насыщенными жизненным опытом, основанными на подлинном знании и талантливом воображении» [Маршак 1971д, с. 306, 310].

При внимательном рассмотрении такие соответствия прослеживаются на всех уровнях — от прямого или непрямого цитирования и совместных размышлений до глубокого внутреннего созвучия позиций обоих писателей. Приведем некоторые примеры.

В статье «Растущий счет», опубликованной в «Литературном Ленинграде» 20 апреля 1935 г. и посвященной первой годовщине ликвидации РАППа, Маршак пишет: «Школа служила чем-то вроде опытного поля для всевозможных псевдометодов. Эти “человеки в футляре” забыли в азарте отвлеченного проектерства самые главные задачи воспитания, забывали и самого ребенка» [Маршак 1935]. Автор статьи подхватывает любимую Горьким чеховскую формулировку, которую тот нередко употреблял, в особенности, в полемике о проблемах детской литературы — например, в статье «Человек, уши которого заткнуты ватой», где Горький атакует Е. Флерину, автора статьи «С ребенком надо говорить всерьез» (опубликована 30 декабря 1929 г. в «Литературной газете»): «Флерина решает его (вопрос о приемах воспитания детей. — *Дж. Д. Ф.*) категорически, но это решение чеховского “человека в футляре”, человека, уши которого заткнуты ватой» [Горький 1968, с. 101].

Оба писателя уделяют особенное внимание разделению читателей на возрастные подгруппы, для каждой из которых требуется особая детская литература. В статье «О наследстве и наследственности в детской литературе» (1933) Маршак замечает: «Эти книги не могут — да и не должны — работать на все читательские возрасты» [Маршак 1971д, с. 280]; он находит подтверждение своей мысли в статье Горького «О темах» («Правда», 1933, № 287; «Известия», 1933, № 255; «Литературная газета», 1933, № 48), опубликованной 17 октября того же года: «Автор, идущий в детскую литературу, должен учесть все особенности читательского возраста» [Горький 1968, с. 127].

Писатели готовят рекомендации для каждого жанра детской литературы — будь он школьной повестью, научно-популярной книгой, книжкой-картинкой или поэзией: они внимательно анализируют литературную традицию²³ и указывают на существующие недостатки. Горький замечает: «Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы. <...> От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты. <...> Надо отказаться от примитивного утилитаризма, от грубой дидактики и тенденциозности» [Горький 1968, с. 110] («Из докладной записки», 1932); «Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной» [Горький 1968, с. 115] («Литературу — детям», 1933). Детская литература грешит схематизмом и по мнению Маршака: «Схема и тенденциозность — губительны для детской книги. <...> Есть

авторы, готовые в любую минуту проиллюстрировать в стихах или в прозе любой циркуляр Наркомпроса» [Маршак 1971д, с. 309].

Одно из направлений, для развития которого Маршак и Горький прилагают особенные усилия, — это создание научно-популярной книги. Какова должна быть новая научно-популярная книга? «Прежде всего наша книга о достижениях науки и техники должна не только давать конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоление трудностей и поиски верного метода». Это предложение находится в статье Горького «Литературу — детям», опубликованной одновременно в «Правде» (1933, № 159) и «Известиях» (1933, № 147) и в «Повести об одном открытии», предисловии Маршака к книге М. Бронштейна «Солнечное вещество» (Маршак прямо цитирует статью Горького, см.: [Маршак 1971д, с. 258]). Оно же повторяется в горьковской статье «О темах» 17 октября 1933 г., где автор добавляет: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиций» [Горький 1968, с. 127].

Кроме того, по мнению обоих писателей, в этом жанре, и вообще в хорошей детской литературе, художественность не уступает педагогическому элементу. Одновременно книга с познавательным материалом должна быть таким же увлекательным чтением, как любой роман или повесть. Поэтому Горький считает, что «в нашей литературе не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной книгой» [Горький 1968, с. 127], в то время как Маршак напоминает, что «педагогическая роль не умаляет ее художественного значения. Лучшие писатели понимают высокие воспитательные задачи литературы в стране, где все строится заново» [Маршак 1971д, с. 303].

Стремление Горького и Маршака мобилизовать писателей, способных рассказать детям об устройстве окружающего мира и новой советской действительности, объясняется расширенным пониманием знаний, которые взрослые должны передать детям и подросткам. Тем не менее таких писателей, с их точки зрения, было мало. Остается потребность привлекать к работе над детскими книгами «талантливых писателей, которые пишут просто, интересно и содержательно» [Горький 1968, с. 121], а также ученых, художников, географов, моряков, летчиков — новых людей, способных облечь свой немалый жизненный опыт в художественную форму,

как это сделали Бианки, Чарушин, Паустовский, Ильин или Житков. Для каждого из них можно найти лестные оценки в статьях и в письмах Горького и Маршака. В 1926 г. Горький пишет Пришвину: «Я думаю, что такого природолюбца, такого пронизательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как Вы, М. М., в нашей литературе — не было» [Горький 1968, с. 333]. Пришвин для Горького — писатель, способный создать «совершенно новое мироощущение» [Там же, с. 335]. Маршак разделяет его мнение: «Нечто свое, особенное, неповторимое внес в детскую литературу Михаил Пришвин, великий знаток русской природы, охотник, землепроходец, который с полным правом может называться “бывалым человеком”» [Маршак 1971д, с. 310].

Наконец, еще одна важная для обоих писателей тема, которой каждый из них посвящал отдельные очерки и статьи, — богатство языка и необходимость использовать все его безграничные возможности. Что касается, в частности, детской литературы, оба писателя считают, что она должна быть написана простым и ясным языком: «Простота и ясность стиля достигаются не путем снижения литературного качества, а в результате подлинного мастерства» [Горький 1968, с. 112]²⁴. В 1940 г. Маршак вспоминает о письме, полученном Горьким несколькими годами ранее:

Когда-то один из юных корреспондентов Горького обратился к писателям с такой просьбой: «Пишите для нас покороче, пояснее, попроще, посложнее». «Проще, посложнее» — это следовало бы сделать лозунгом нашей детской беллетристики. <...> надо, чтобы повести наши были сложны по материалу; ясность же и простота их зависят от умения писателя соединить множество разнообразных нитей в единую, плотную ткань [Маршак 1971г, с. 526–527].

Кроме того, язык детских книг должен быть образным: «Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественной» [Горький 1968, с. 115], поскольку, пишет Маршак, именно так устроено детское мышление: «Мы исходили из того, что читатель-ребенок мыслит образами, а не отвлеченными понятиями, и книга должна обращаться к его воображению, вместо того чтобы быть дидактической» [Маршак 1971в, с. 577].

Первые программные статьи Горького о детской литературе были вызваны необходимостью защиты детских писателей от враждебно настроенных критиков. Именно отсутствию профессионализма со стороны критики посвящено множество выска-

званий обоих писателей: «Вот только критики детской литературы у нас почти нет» [Маршак 1971д, с. 311]. «Почти ни на одну рецензию нельзя положиться. <...> Общее положение в области критики у нас еще очень неблагополучно» [Маршак 1971б, с. 349]. Горький подтверждает маршаковское наблюдение: «Критика должна заниматься разработкой творческих вопросов детской литературы на основе конкретного и вдумчивого анализа, а не действовать наскоком и окриком» [Горький 1968, с. 111].

Рассмотрев приведенные примеры, мы не можем не согласиться с Лидией Чуковской:

Мысли Маршака о литературе для детей, исходные положения его редакторской практики были Горькому близки и родственны. Всякий, кто даст себе труд внимательно сопоставить высказывания о детской литературе Маршака с высказываниями Горького, не может не заметить этой близости, этой идейной родственности, и не только в общетеологическом смысле. <...> Единство взглядов на советскую литературу, на ее воспитательные цели, на ее художественные средства — вот что роднило М. Горького и С. Маршака [Чуковская 2011, с. 375].

Единство взглядов и идеологическая близость помогли двум писателям выработать общую концепцию детской литературы, основанную на собственном опыте в этой области. Создание детского издательства и доклад о необходимости «большой литературы для маленьких» на Первом съезде советских писателей является последним этапом как выработки новой литературы, так и динамики отношений между двумя писателями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТГИЗ» И ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Проделанная Горьким и Маршаком огромная работа по выработке новой детской литературы заканчивается постановлением ЦК от 9 сентября 1933 г., одобряющим создание нового детского издательства:

Недостатки детской книги, отмеченные в ряде решений ЦК ВКП (б), остаются до сих пор неустранимыми. Основными недостатками детской книги продолжают оставаться игнорирование специфических запросов детей, графаретность и схематизм изложения, отсутствие переизданий классической детской литературы, упрощенчество, а часто халтура и невежество в литературном изложении и художественном оформлении детских книг. Лучшие книги, созданные за последнее время, еще не стали ведущими во всей детской литературе. В целях

объединения сил (писателей, художников, педагогов) и ликвидации существующих недостатков в работе по созданию, распространению и использованию детской книги ЦК ВКП (б) постановляет. <...> создать ряд книг, которые, соединяя увлекательность и доступность изложения с принципиальной выдержанностью и высоким идейным уровнем, прививали бы детям интерес к борьбе и строительству рабочего класса и партии, в частности, создать серию книг для пионеров, переиздать лучшие книги мировой детской литературы (Робинзон Крузо, Путешествия Гулливера, Жюль Верна и др.), в особенности имеющие общеобразовательное значение. Создать ряд книг развлекательных, в первую очередь для младшего возраста (сказки, игры, шарады и т. п.). При этом решительно улучшить оформление книги, искореняя халтуру и формалистические выкрутасы. К изданию детской литературы Детгиз должен привлечь лучших писателей (и не только детских), художников, педагогов, работников пионердвижения. Не гоняясь за количеством названий, отказаться от издания детской книги тиражом менее 20.000, стараясь давать только проверенную книгу в подлинно массовом тираже [Антропов 1941, с. 158–159].

Несмотря на особенности партийного дискурса и присутствующие элементы конструирования в нем мифологических догматов, главным образом документ включает многочисленные вопросы, поднятые Горьким и Маршаком.

Заметим еще, что к совместному обсуждению принципов новой детской литературы писатели подключили также детей, непосредственно вовлеченных в работу через обращение Горького, опубликованное в газете «Правда» от 21 августа 1933 г.: «Я обращаюсь к вам от газеты “Пионерская правда” и лично от себя. Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: что вы читаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?» [Горький 1968, с. 229].

Ответы не заставили себя ждать. Маршак вспоминает: «Мы разбирали с Алексеем Максимовичем груды детских писем — сотни листков, вырванных из школьных тетрадей... Побольше книг о путешествиях, побольше книг про войну, революцию, про звезды и про все страны света, — писали ребята» [Горький 1968, с. 406]²⁵.

Результатом этого эксперимента стала статья Маршака «Дети отвечают Горькому», опубликованная в 1934 г. [Маршак 1934]. Маршак уже не первый раз занимался подобной работой; изучение детских писем, стихотворений, важных для ребенка тем увлекает его²⁶, поскольку помогает ему составить представление о детском мировоззрении. Возможно, образцом ему служат проведенные

К. И. Чуковским исследования детской речи. Неудивительно, что и Горький время от времени занят тем же делом. «Я уверен, что когда-нибудь соберут и выпустят отдельной книгой переписку Горького с детьми на протяжении десятков лет. <...> Он сосредоточенно и внимательно читал эти странички, будто вглядываясь в черты нового племени, идущего за нами вслед» [Маршак 1971а, с. 311].

Статья «Дети отвечают Горькому» легла в основу доклада, сделанного Маршаком в качестве содоклада к докладу Горького о советской литературе на Первом съезде советских писателей 19 августа 1934 г. Все вопросы и темы, поднятые обоими писателями в процитированных выше статьях и выступлениях, в докладе Горького представлены в сжатом виде и структурированно. Вместе писатели доказывают, что детская литература не должна рассматриваться отдельно от литературы в целом, что с ней должны считаться все писатели, а не только те, что пишут в основном для детей²⁷. Маршак и Горький перечисляют успехи и достижения и намечают цели которых еще предстоит достигнуть. Со всей очевидностью проявляется сходство их мыслей, касающихся разных вопросов детской литературы:

А) Внимание к фольклорным источникам, в особенности, к сказке, которая для них представляет собой неотъемлемую часть воспитания и образования ребенка²⁸, как уже замечено обоими авторами в предыдущих статьях:

Запасы народного эпоса, русского и иностранного, неисчерпаемы. В нем отразились и различные мировоззрения, и разные времена, и разные события. Мы должны брать из эпоса то, что нам интересно и нужно, но брать без педантизма, без трусости, не пытаюсь мелко расшифровать богатый смысл, доверяя качеству материала и уважая читателя. <...> Сказки бояться нечего, сказка — большое богатство [Маршак 1971д, с. 299–300].

«В сказках прежде всего поучительная выдумка — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта», — замечает Горький в статье «О сказках» [Горький 1968, с. 95]. Это мнение Горький подробно развивает в первой части своего доклада на Съезде советских писателей: «Можно привести еще десятки доказательств целесообразности древних сказок и мифов, десятки доказательств дальнорзости образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей» [Луппол, Розенталь, Третьяков 1934, с. 6]. В содокладе Маршака звучат аналогичные рассуждения: «У сказки есть замечательная

возможность охватывать сразу большие пространства, перелетать из края в край, сталкивать различные времена, сочетать самые крупные вещи с вещами самыми маленькими, преодолевать непреодолимые препятствия» [Там же, с. 27]. И еще: «Мы должны широко использовать фольклор — от прибаутки до сказки. И не только русский фольклор, но и творчество других народов Союза советских республик и всего мира» [Там же, с. 38].

Б) Мотив труда²⁹, который особенно заметен в произведениях Маршака 1930-х гг., должен присутствовать в новой детской литературе: «Конечно, труд должен играть важную роль в советской книжке для маленьких, но от этого книжка не должна становиться трудной и скучной» [Там же, с. 37]. Маршак уточняет высказывание Горького: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда <...> человека, в свою очередь делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства» [Там же, с. 13].

В) Прямые обвинения педагогам, критикам и учителям, озвученные в тот же период в других статьях: «Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но не способны чему-нибудь научить» [Там же, с. 16], она «не талантливая, схоластична и малограмотна по отношению к текущей действительности» [Там же], — протестует Горький, и, вслед за ним, Маршак: «Но не одни педагоги, а рецензенты и редакторы тоже виноваты в производстве литературного брака для дошкольника» [Там же, с. 37].

Г) Юмор, как значимая составляющая книг для детей, которые, по мнению Маршака, «умеют смеяться и прекрасно знают, какая сила и какая помощь смех» [Там же, с. 24], был уже отмечен Горьким и в статье «Человек, уши которого заткнуты ватой»: «“Тенденция позабавить ребенка” <...> педагогически необходима как средство, как гарантия против опасности засушить ребенка “серьезным”, вызвать в нем враждебное отношение к “серьезному”» [Горький 1968, с. 100] и в статье «О безответственных людях и о детской книге наших дней»: «Я утверждаю — с ребенком нужно говорить “забавно”» [Горький 1968, с. 102].

Из этих и других примеров видно, как в конце 1920-х — начале 1930-х гг. призыв к формированию новой детской литературы звучит на два голоса, и результатом многолетних обсуждений Горького и Маршака становится своего рода «манифест», противостоящий концепции Кормчего³⁰ и Крупской.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Общие интересы Горького и Маршака не сводятся к одним книгам. Оба увлечены картами и глобусами, играми и книжками-игрушками — всем, что помогает развивать фантазию и мелкую моторику детей. Когда Маршак приезжал в Крым ранней весной 1936 г. — это была их последняя встреча — Горький поделился с ним своим новым замыслом:

Алексей Максимович рассказывал, как представляет он себе большой, «толстый» литературный журнал — с беллетристической и публицистической, — всецело посвященный воспитанию. <...> Такой журнал прежде всего надо сделать *увлекательным* (курсив мой. — Дж. Д. Ф.), чтобы его и в самом деле читали, а не прорабатывали где-нибудь в методических кабинетах. Только тогда он мог бы влиять на взрослых — и на детей. Талантливейшие наши писатели, лучшие педагоги должны быть привлечены к делу. А кроме них, надо призвать еще одну категорию людей. Эту категорию Алексей Максимович чрезвычайно ценил. Она состоит не из педагогов, не из литераторов, а просто из людей, умеющих дружить с детьми [Маршак 1971а, с. 305].

Несмотря на энтузиазм, далеко не все планы и надежды Горького и Маршака осуществляются. Совещание по детской литературе 15–19 января 1936 г. показывает, что в этой сфере по-прежнему преобладали педанты, претендующие на экспертное знание детской психологии, и чиновники (как, например, секретарь Центрального Комитета Партии А. Андреев³¹), единственная цель которых состояла в том, чтобы загнать искусство в продиктованные политикой рамки. Последствия этого хорошо известны: прямая атака на иллюстраторов детской книги в статьях «О художниках-пачкунах» в «Правде» от 1 марта 1936 г. и «Против формализма и штампа в иллюстрациях к детской книге», а также в сборнике статей «Против формализма и натурализма в искусстве», разгром Детгиздата в Ленинграде³², бегство Маршака в Москву и начало, пожалуй, двух самых мрачных лет в истории Советского Союза.

Со смертью Горького 18 июня 1936 г. детские писатели теряют одного из главных их защитников. С того момента Маршак посвящает памяти Горького более пятнадцати статей³³, его имя упоминается во многих письмах, выступлениях и публичных речах детского писателя и переводчика. Этим Маршак выражает, кроме уважения и тесной привязанности, свою верность принципам, выработанным вместе с Горьким, и сознательно добавляет к его образу некий мифологический флер, который мог бы служить дополнительной защитой

ему самому. Ссылаясь на «великого пролетарского писателя», он может рассчитывать на надежную защиту и в то же время продолжать начатую с Горьким теоретическую работу, оставившую значительный след в истории детской послереволюционной литературы.

Перевод с итальянского М. В. Гойхман

Примечания

¹ «Перед отъездом Алексей Максимович и Федор Иванович [Шалапин] говорили мне с восторгом о том впечатлении, которое Вы на них произвели», — пишет барон В. Стюарт Самуилу Маршаку 2 сентября 1904 г. [Галанов, Маршак, Петровский 1975, с. 385].

² «По поручению В. И. Ленина из-за границы приехал В. Д. Бонч-Бруевич поговорить с А. М. Горьким об издательских делах, и, не застав его в Петербурге, поехал в Ялту. Встреча состоялась, и вскоре после нее за границей было организовано издательство “Демос”, в котором стали издаваться произведения Горького, Скитальца и других писателей. Несомненно, что юноша Маршак много вынес из общения с Горьким, в орбиту жизни которого он так неожиданно попал» [Разова. URL: <http://s-marshak.ru/articles/razova.htm#24a> (дата обращения: 10.08.17)].

³ Маршак вспоминает: «Мы обменялись с ним как-то письмами, когда я жил в Англии (в 1912–1914 гг.)» [Маршак 1972б, с. 421].

⁴ В начале своего творческого пути Маршак сильно увлечен еврейской темой; его первое опубликованное стихотворение — *20 Таммуза* — появилось в шестой книжке журнала «Еврейская жизнь» 1904 г. Оно связано с кончиной общественного и политического деятеля Теодора Герцля, основателя Всемирной сионистской организации [Гейзер 2006, с. 72–74].

⁵ Когда, много лет спустя, поэт Арон Вергелис приносит Маршаку копию Сиониды, Маршак взволнован и удивлен: «Неужели я не все уничтожил?» — говорит своему собеседнику [Гейзер 2006, с. 73].

⁶ Об отношениях Горького с Чуковским в годы революции см. напр.: [Иванова 2013, с. 561–565].

⁷ Маршак начинает переводить Блейка в 1913 г. и продолжает эту работу до конца жизни. См.: [Майзельс, с. 788–801].

⁸ Об истории и деятельности «Всемирной Литературы» см. *Чуковский К. И.* Горький во «Всемирной» // Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.-Л., 1928; *Шомакова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература». 1918–1924 // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193. См. также: *Хлебников Л. М.* Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина». Литературное наследство. Т. 80: В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Неизданная переписка. М., 1971. С. 668–699.; *Даманская А.* Горький и «Всемирная Литература» // Последние новости (Париж). № 5511. 1936. 25 июня. С. 3.

⁹ «Впоследствии я заметил, что внезапные приливы влюбленности бывают у Горького чаще всего, когда говорит он о детях, о замечательных людях и книгах» [Чуковский 2012а, с. 39]. Среди начинаний Горького, посвященных детям, можно назвать издательство «Парус» (1915–1918), куда он приглашает Чуковского в качестве заведующего отделом детской литературы, альманах «Радуга»/«Елка» (1918), замысел «Библиотеки Всемирной Литературы» (1919–1924), в которую предполагалось включить шедевры мировой литературы для детей и подростков, а также журнал «Северное сияние» (1919–1920).

¹⁰ В 1910 г. Горький был приглашен на Третий международный конгресс по семейному воспитанию в Брюсселе. В 1917 г. в Петрограде по его инициативе была создана «Лига Социального воспитания», перед которой была поставлена задача разработать основы новой системы воспитания. В речи на заседании «Лиги» Горький призывает отдать все лучшее детям. В период работы временного организационного комитета, в состав которого входил Горький, была создана опытная школа для детей рабочих табачных фабрик. Горький писал о ней в статье «Помогите!» («Новая жизнь», 1917, № 50) [Горький 1968, с. 356]. Кроме того, активно работал в различных просветительных обществах, помогал учителям, заботился о снабжении школ наглядными пособиями, участвовал в детских утрениках, организовывал елки для детей бедняков.

¹¹ Уже с 1924–1925 гг. ходят секретные доносы о деятельности детских писателей. См. напр.: [ГАРФ Ф. 5446, Оп. 55, Д. 535, Л. 25].

¹² Для подробного обзора борьбы с «чуковщиной» и критики других произведений Корнея Чуковского см., напр.: URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/kritika-pro-chukovskogo/pro-et-contra/index.htm>.

¹³ «Нужно ли говорить, что Луначарский наряду с Горьким не раз восставал против скудоумных ханжей, прикрывавших высокими лозунгами свое стремление отнять у советских ребят даже народные песни, былины, пословицы, не давая взамен ничего, кроме бездарных самодельковых виршей, до глубины души возмущавших Анатолия Васильевича» [Чуковский 2012б, с. 320]. Луначарский принимает активное участие в дискуссии о детской литературе, развернувшейся в конце 1920-х гг. В 1930 г. он издает интересный сборник статей, целью которого является обзор детской литературы в первое десятилетие после Октябрьской Революции. В предисловии народный комиссар просвещения подчеркивает некоторые важные понятия, которые уже вошли в практику детских писателей. Он высоко оценивает работы Маршак и Чуковского, сделавшие «художественное воспитание» одним из важных пунктов социального развития ребенка [Детская литература 1931].

¹⁴ Задача Государственного Ученого Совета — осуществлять «общее и методическое руководство научным и художественным образованием и специальным воспитанием» [Блюм 1994, с. 244].

¹⁵ Д. Кальм в статье «Против халтуры в детской литературе. Куда она нас ведет?» открыто нападает на Маршак. См.: [Кальм 1929, с. 2].

¹⁶ О роли Маршак в дискуссиях конца 1920-х гг. и начала 1930-х гг. см.: [Кулешов 2012, с. 76–86].

¹⁷ «Про меня говорят, что я стремлюсь всех превратить в детских писателей. Ну что ж, попробуем» [Маршак 1972г, с. 95].

¹⁸ Например, атака на журналы «Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941).

¹⁹ В 1920-х гг. Маршак немало времени посвящает изданию журналов и работе в редакции, сначала в Петроградском педагогическом институте дошкольного образования, где образуется так называемый «кружок Маршак», первое общество писателей и художников, связанных с созданием детской книги. Писатель под наблюдением О. Капицы выступает в качестве консультанта и руководителя студии [Галанов, Маршак, Паперный 1988, с. 207–212]. Вскоре у этого общества возникает собственный журнал — «Воробей», переименованный позднее в «Новый Робинзон», работа в котором многому научила Маршак: «Я числился в редакции литературным консультантом, то есть должен был поучать, инструктировать других — редакторов и авторов книг, — а на самом деле многому научился сам» [Маршак 1971е, с. 555]. Наконец, самый большой опыт в редакционной деятельности Маршак приобретает в качестве консультанта в ленинградском отделе Детгиздата См.: [Шкловский 1966, с. 13; см. также: Чуковская 2011, с. 188–392; Шварц 1990].

²⁰ Возвращение Горького в мае 1928 г. дает многим писателям надежду на то, что отношение официальной критики к литературе, в том числе и детской, изменится.

²¹ Вероятно, не без доли зависти Чуковский записывает в дневнике (2 февраля 1929 г.): «Мне легче. Температура 36,9. Маршак и Лебедево прямо с поезда. Маршак пополнил, новая шапка, колеблется, принимать ли ему должность главы московско-ленинградской детской литературы, требует, чтобы согласились и Лебедева назначить таким же диктатором по художественной части; в чемодане у него Блэйк (Горький обещал ему, что издаст)» [Чуковский 2013д, с. 388].

²² См. Письмо Р. Роллану от 9 апреля 1932 г.: «Оба они [братья Маршаки] люди очень талантливые» [Горький 1955а, с. 250]; см. также: письмо Ф. П. Хитровскому от 19 февраля 1933 г.: «Маршак — отличный человек и детолоб — поставлен во главе дет<ской> литер<атуры>, и мы с ним мечтаем о создании хорошей детской игрушки» [Горький 1955б, с. 288]; см. также: письмо Н. Н. Горскому от 18 ноября 1935 г.: «Маршак — Вы его знаете — основоположник и знаток детлитературы у нас» [Горький 1968, с. 201]; см. также: «Письмо двум тысячам пионеров заполярного города Игарки» от 13 января 1936 г.: «Когда рукопись будет готова — пришлите ее мне, а я и Маршак, прочитав ее, возвратим вам, указав, что — ладно и что — неладно и требует исправления» [Горький 1968, с. 238].

²³ «Надо внимательно взглянуть в дореволюционную литературу, понять, что в ней может послужить для нас традицией, культурным наследством и чего мы должны бояться, как рутины, как вредных реакционных пережитков» [Маршак 1971д, с. 288].

²⁴ Такие же слова употребляет Горький в статье «О темах» [Горький 1968, с. 127].

²⁵ Статья Маршака опубликована вместе с письмом Горького, в котором он благодарит своих маленьких помощников: «Ребята! В прошлом году я спросил вас: какие книги хотите вы читать? На вопрос этот ответили тысячи пионеров, и теперь “Детиздат” знает, что надобно делать для вас» [Горький 1953а, с. 281].

²⁶ Кроме «Дети отвечают Горькому», см. также: «Дела Геринга о поджоге», «Дети о будущем», «Дети — поэты».

²⁷ Это пожелание Маршака остается без внимания, поэтому год спустя он возвращается к этой мысли в статье «Кролик еще ждет своего писателя» (1935): «Детская книга ни в коем случае не может быть монополией детских писателей. Вся советская литература должна считать ее своим делом. А у нас один только Алексей Максимович не боится уронить свое писательское достоинство статьями о детской литературе. Если бы и другие писатели последовали его примеру, можно было бы создать полноценный критический журнал, посвященный детской художественной литературе» [Маршак 1971б, с. 350].

²⁸ В течение многих лет Маршак и Горький говорят о сказке и народном эпосе в многочисленных работах. См., напр.: «Заметки о сказке Пушкина» (1949), «Мастер снов и сказок» (1955), «Сказка, возбуждающая народное чувство» (1958), «Сколько лет сказке?» (1961) Маршака; «О сказках» (1929; 1935), «Литература и кино» (1935), «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних (Письмо А. А. Суркову)» (1936) Горького.

²⁹ «Я люблю работающих людей — тех, кто делает свое дело мастерски, весело, щедро» — объясняет Маршак И. М. Дольникову [Маршак 1972д, с. 280]. В письме Н. Т. Ковачевой он уточняет: «Вы, вероятно, заметили, что движение и труд — главные герои моих детских книжек» [Маршак 1972е, с. 336].

³⁰ «Кормчий — первый, кто настаивает на классовом подходе в детской литературе, на прикладной функции этой литературы в системе образования будущих советских граждан, требует цензуры при пересмотре дореволюционного наследия» [Балина 2008, с. 13].

³¹ Первое совещание о детской литературе при ЦК ВЛКСМ // Правда 1936. 29 января. С. 3. См. также: Андреев А. О детской литературе // Правда 1936. 29 января. С. 4.

³² В 1937–1938 гг. почти все сотрудники Детгиздата арестованы или расстреляны. См.: Блюм 1996.

³³ См., напр.: «Издали и вблизи» (1928), «Горький — писатель и человек» (1936), «Горький и дети» (1939), «Уважаемые дети» (1939), «Разговор за письменным столом» (1952), «Живой Горький» (1961).

Источники

Антропов Т. И. Решения партии о печати. М.: Политиздат, 1941.

Барахов В. С. Новый взгляд на М. Горького. Неизвестный Горький // Наследие. Вып. 4, 1994.

Галанов Б. Е., Маришак А. И., Паперный З. С. Я думал, чувствовал, я жил. М.: Советский писатель, 1988.

Маришак С. Я. «Дети отвечают Горькому» // Год семнадцатый. Альманах 4. Советская литература. М., 1934.

Горький М. О детской литературе: Статьи, высказывания, письма/Сост., вступ. статья, коммент. Н. Б. Медведевой; Дом детской книги. М.: Детская литература, 1968, 432 с.

Горький М. Еще о грамотности // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 24. 1949а. С. 328–331.

Горький М. <Пионерам Московской области> // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 27. 1953а. С. 281.

Горький М. Письмо Ромэну Роллану. 9 апреля 1932 // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 30. 1955а. С. 249–250.

Горький М. Письмо Ф. П. Хитровскому от 19 февраля 1933 // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 30. 1955б. С. 288–289.

Горький М. Предисловие к американскому изданию книги М. Ильина «Горы и люди» // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 27. 1953. С. 478–480.

Горький М. Человек, уши которого заткнуты ватой // Правда, 1930, № 19, 19 января.

Кальм Д. Против халтуры в детской литературе. Куда она нас ведет? // Литературная газета, 1929, 16 декабря. С. 2.

Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда, 1928, 1 февраля. С. 5. Детская литература. Критический сборник. Под редакцией А. В. Луначарского, М.-Л.: ГИХЛ, 1931.

Луппол И. К., Розенталь М. М., Третьяков С. М. Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934.

Маришак С. Я. Письмо А. М. Горькому. 9 марта 1927 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972г. С. 128–132.

Маришак С. Я. Письмо И. М. Дольникову 27 апреля 1955 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972д. С. 280–282.

Маришак С. Я. Письмо Н. Т. Ковачевой. 20 декабря 1958 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972е. С. 335–337.

Маришак С. Я. <Дом, увенчанный глобусом. Заметки и воспоминания> // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971е. С. 554–574.

Маришак С. Я. Уважаемые дети // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 6. 1971а. С. 304–313.

- Маршак С. Я.* Кролик еще ждет своего писателя // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971б. С. 342–352.
- Маршак С. Я.* Две беседы Маршака с Л. К. Чуковской // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971в. С. 575–595.
- Маршак С. Я.* Мир в картинах // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971г. С. 526–527.
- Маршак С. Я.* О наследстве и наследственности в детской литературе // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971е. С. 279–312.
- Маршак С. Я.* Письмо А. М. Горькому. 30 января 1930 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972а. С. 114–117.
- Маршак С. Я.* Письмо В. Д. Разовой. 26 апреля 1962 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972б. С. 421–423.
- Маршак С. Я.* Письмо С. М., И. С. и Я. С. Маршак. 20 мая 1933 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972в. С. 128–132.
- Маршак С. Я.* Повесть об одном открытии // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 6. 1971д. С. 255–259.
- Маршак С. Я.* Растущий счет // Литературный Ленинград. 1935. 20 апреля. О художниках-пачкунах // Детская книга. № 3–4, 1936. С. 40–42.
- Пантелеев Л.* Избранное. М.: Художественная литература, 1967.
- Против формализма и штампа в иллюстрациях к детской книге // Детская книга. № 3–4, 1936. С. 43–45.
- Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. М.: ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1937.
- Флерина Е.* С ребенком надо говорить всерьез // Литературная газета. 1929. 30 декабря. С. 2.
- Чуковский К. И.* 1928 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 12. 2013а. С. 348–387.
- Чуковский К. И.* 1932 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 12. 2013б. С. 453–497.
- Чуковский К. И.* 1964 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013в. С. 376–401.
- Чуковский К. И.* 1968 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013г. С. 454–527.
- Чуковский К. И.* Горький // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 5. 2012а. С. 38–76.
- Чуковский К. И.* Луначарский // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 5. 2012б. С. 296–320.
- Чуковский К. И.* 1929 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013д. С. 388–399.
- Чуковский К. И.* Новые произведения Горького. Заметки читателя // Театральная Россия. 1902. № 12. 19 января.
- Шварц Е. Л.* Живу беспокойно... Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990.

Исследования

- Алексеева М.* Наши первые журналы для детей // Детская литература. 1967. № 1. С. 13–15.
- Бална М. Р.* У истоков детской советской литературы: иллюзии и факты // В измерении детства: Статьи о детской литературе; отв. ред. М. П. Абашева. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т., 2008. С. 11–25.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...». Парадоксы советской литературы для детей: Сборник статей/Сост. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб: Алетейя, 2014. С. 7–19.

Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб: Академический проект, 1994.

Блюм А. В. Как громили «вредительскую группу» Маршак: доносы цензора Чевычелова // Мир образования. 1996. № 1. С. 70–73.

Гейзер М. Маршак. М.: Молодая Гвардия, 2006.

Иванова Е. Комментарии // Чуковский К. Собрание сочинений в 15 тт. Т. 6. 2013. С. 557–612.

Кулешов Е. Самуил Маршак (1887–1964) // Детские чтения. 2012. № 2. С. 76–86.

Майзельс С. Р. Примечания // Маршак С. Я. Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 3. 1972. С. 749–812.

Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. М.: Время, 2011.

Шкловский В. Старое и новое. Книга статей о детской литературе. М.: Детская литература, 1966.